

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖѢ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

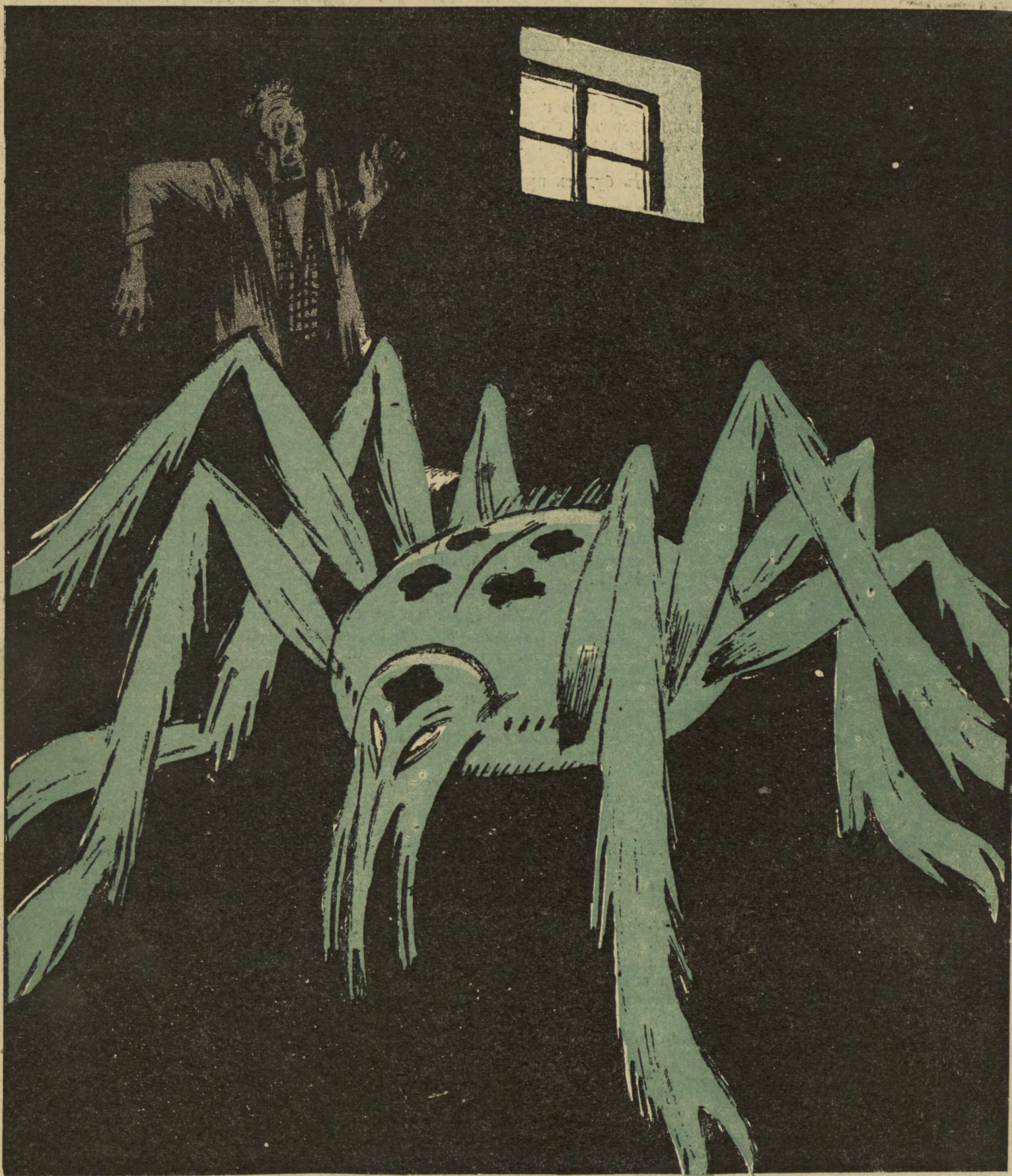
№ 45

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

3 НОЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

ИЗЪ „ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ“ БРЭМА.

— „... Иногда въ темныхъ мрачныхъ подвалахъ, гдѣ хранятся разные товары и продукты, заводится особый родъ пауковъ, достигающихъ иногда огромнаго размѣра... Пауки эти грязно-зеленаго цвѣта; прячутся они въ самыхъ сырыхъ темныхъ закоулкахъ, но стоитъ только показаться человѣку, какъ паукъ подкрадывается сзади и бросается на свою жертву. Питаются эти пауки (рауса marodera) свѣжей кровью... Бороться съ ними слѣдуетъ частымъ провѣтриваніемъ помѣщенія и уничтоженіемъ паутины и яичекъ этого мрачнаго хищника... Этотъ разрядъ мохиногихъ отличается большою живучестью. (Брэмъ, ч. II, стр. 143.)

Освобожденный отъ сбора съ доходовъ отъ денежных капиталовъ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
5¹/₂%⁰ ВОЕННЫЙ КРАТКОСРОЧНЫЙ ЗАЕМЪ.
ВТОРОЙ выпускъ 1916 г.,

выпускаемый на основаніи ВЫСОЧАЙШАГО УКАЗА
НА НАРИЦАТЕЛЬНЫЙ КАПИТАЛЬ

3.000.000.000 рублей,

триа серіями по 1.000.000.000 рублей каждая.

Облигаціи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000 и 25.000 рублей и приносятъ **5¹/₂% годовыхъ**, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 1 апрѣля и 1 октября. Всѣ облигаціи займа будутъ погашены 1 октября 1926 г.

Облигаціи займа будутъ приниматься въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а равно въ обезпеченіе разсрочиваемаго платежа акциза и таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ Министромъ Финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься:

*въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,
въ частныхъ коммерческихъ банкахъ:*

Волжско-Камскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Международномъ Коммерческомъ,
Русскомъ для Внѣшней Торговли,
Петроградскомъ Учетномъ и Ссудномъ,
Русско-Азіатскомъ,
Азовско-Донскомъ Коммерческомъ,
Русскомъ Торгово-Промышленномъ,
Сибирскомъ Торговомъ,
Петроградскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Русско-Французскомъ Коммерческомъ,
Петроградскомъ Торговомъ,
Русско-Англійскомъ,
Русско-Голландскомъ,
Союзномъ,
Московскомъ Купеческомъ,
Соединенномъ,
Московскомъ Промышленномъ (б. И. В. Юнкеръ и К^о),
Московскомъ,
Московскомъ Торговомъ,
Московскомъ Частномъ Коммерческомъ,

Московскомъ Учетномъ,
Московскомъ Народномъ,
Коммерческомъ въ Варшавѣ,
Кавказскомъ,
Кіевскомъ Частномъ Коммерческомъ,
Одесскомъ Учетномъ,
Рижскомъ Коммерческомъ,
Ростовскомъ и/Дону Купеческомъ,
Тифлиссскомъ Купеческомъ,
Центральномъ Банкѣ Обществъ Взаимнаго Кредита,
Петроградскомъ Обществѣ Взаимнаго Кредита

и въ банкирскихъ конторахъ и домахъ:

Бр. Джемгаровыхъ, въ Петроградѣ и Москвѣ,
Лампе и К^о, въ Петроградѣ,
Г. Лѣсина, въ Петроградѣ,
Э. М. Мейеръ и К^о въ Петроградѣ,
Маврикія Нелькенъ въ Петроградѣ,
Г. Волкова съ С-ми, въ Петрогр. и Москвѣ,
М. Ашкенази, въ Одессѣ.

съ 1 ноября

по 30 декабря

с. г.

включительно.

*въ Казначействахъ (постоянныхъ),
въ Городскихъ общественныхъ банкахъ и въ Обществахъ взаимнаго кредита,
въ тѣхъ Городскихъ и Земскихъ Управахъ и Нотаріальныхъ конторахъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ,
въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,
въ учрежденіяхъ мелкаго кредита и
въ полевыхъ Казначействахъ*

съ 1 ноября 1916 г.
по 31 января 1917 г.
включительно.

Подписная цѣна назначается въ 95% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 1 октября с. г. по день уплаты.

Лица, желающія оплатить облигаціи на всю подписанную ими сумму, производятъ уплату въ самый день подписки.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обстоятельства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Лицамъ, подписавшимся на заемъ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и общественныхъ банкахъ на сумму свыше 500 руб., а въ Казначействахъ, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, обществахъ взаимнаго и учрежденіяхъ мелкаго кредита — свыше 200 руб., уплата можетъ быть разсрочена съ тѣмъ, чтобы 50% подписной номинальной суммы облигацій займа были оплачены въ самый день подписки, а остатокъ 50% — не позднѣе 31 января 1917 года.

Въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ, гдѣ введена ссудная операція, для подписки на новый заемъ могутъ быть открываемы въ предѣлахъ, не превышающихъ сумму взносовъ по подпискѣ, льготные кредиты по 1 января 1918 года подъ залогъ облигацій всѣхъ государственныхъ займовъ, выпущенныхъ съ начала войны до сего времени.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ изъ льготнаго процента въ 5¹/₂% годовыхъ по срокъ 1 января 1918 года. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ въ 88% номинальной суммы.

Означенныя ссуды могутъ быть получаемы на льготныхъ условіяхъ и въ частныхъ банкахъ.

Предварительныя заявленія о подпискѣ и уплата денегъ могутъ быть принимаемы въ тѣхъ же мѣстахъ со дня опубликованія сего объявленія.

СТАТСКАЯ КРОВЬ.

Офицеръ: — Здорово, ребята.

Ландштурмистъ послѣдняго призыва: — А, здравствуйте, какъ поживаете?

СТО ЯЩИКОВЪ САРДИНЬ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Вы, читатель, не маленькій. Вы, читатель, конечно, знаете, что существуютъ разныя профессіи, работы и занятія — иногда самыя странныя, самыя неслыханныя...

Человѣкъ, напримѣръ, гравируетъ на мѣдной доскѣ рисунокъ сторублевки...

Другой человѣкъ, напримѣръ, перекрашиваетъ собачій мѣхъ подъ шеншилля.

Третій, напримѣръ, снимаетъ фотографическимъ аппаратомъ неприличныя сцены для изготовленія открытокъ.

Четвертый, напримѣръ, просто, встрѣтивъ въ темномъ уютномъ углу прохожаго, хватаетъ его за шиворотъ и начинаетъ съ завиднымъ тщаніемъ перепиливать ему ножомъ горло.

Но, замѣтите, въ каждомъ случаѣ, даже въ послѣднемъ — человѣкъ *трудится*, исполняетъ какую-то работу.

Пусть это даже не физическій трудъ... Мы знаемъ и такую профессію, о которой даже была публикація въ газетахъ: «За умѣренное вознагражденіе придумываю эффектныя заглавія для кинематографическихъ картинъ».

Это трудъ умственный: все-таки, человѣкъ долженъ напрягать свой мозгъ, ломать голову, чтобы названіе картины вышло какъ можно зазвонистѣе...

Во всѣхъ, самыхъ уродливыхъ отрасляхъ его величества Труда — трудящіеся, зарабатывающіе свой хлѣбъ должны совершать *какую-то работу*.

Это все понятно.

Но кто можетъ понять нижеслѣдующую работу:

Человѣкъ зарабатываетъ свой хлѣбъ тѣмъ, что въ тепломъ, крытомъ помѣщеніи пьетъ кофе.

Всякій можетъ возразить:

— Позаолте! Если за это платятъ деньги, такъ и я тоже хочу пить кофе въ тепломъ крытомъ помѣщеніи.

Пожалуйста. И вы тоже будете получать за это деньги.

* * *

До сихъ поръ мы знали нѣсколько причинъ, по которымъ человѣкъ пьетъ кофе... Или онъ дѣлаетъ это утромъ, съ цѣлю утоленія голода; или онъ дѣлаетъ это вечеромъ, съ цѣлю разогнать сонъ, или онъ это дѣлаетъ послѣ хорошаго обѣда, для пищеваренія, съ рюмкой ароматнаго абрикотина, или шартреза или еще чего-нибудь.

Мы это все прекрасно понимаемъ.

Но питье кофе, какъ работа, какъ источникъ дохода — до этого додумались только за два послѣднихъ года.

* * *

Дѣлается это такъ: въ крытое, теплое помѣщеніе, установленное мраморными столиками, набивается сто человѣкъ, которые разсаживаются за столиками и говорятъ:

— Человѣкъ! Кофе.

Вотъ и все. Вотъ они уже и начали свою работу.

Выпивъ чашку кофе за своимъ столикомъ, каждый изъ нихъ подсаживается къ другому, занятому постороннимъ, столику и выпиваетъ еще чашку кофе.

Конечно, завязывается разговоръ. Люди пьютъ кофе, разговариваютъ и зарабатываютъ, зарабатываютъ, зарабатываютъ.

* * *

Вынуть изъ бокового кармана письмо — трудъ это или не трудъ?

1) — Гм! Леда и лебедь... О, громадная птица... я думаю, за такую птицу нынче на рынкѣ сдерутъ не меньше ста рублей.

2) — Красивая роща... А кстати: опять думскіе за-правицы забрали себѣ всѣ городскія дрова!..

3) — Бѣдненькія! Въ какомъ же это магазинѣ васъ такъ ободрали?!.

4) — Ага! квартирку ищите?.. А, навѣрное, когда искать начали — совсѣмъ молоденькими были?!.

Конечно, если это трудъ, то люди изъ кафе трудятся; но если это не трудъ, то за что они получаютъ деньги?

Потому что деньги они получаютъ именно за то, чтобы вынуть изъ кармана письмо.

При этомъ, конечно, пьютъ кофе.

А, можетъ быть, питье кофе — трудъ?

* * *

— Здравствуйте. Подсаживайтесь. Чашечку кофе, а?

— Не откажусь. Ну, что новаго, господинъ Рабкинъ?

— Имѣю сардины.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста.

Читатель, навѣрное, думаетъ, что оба сейчасъ встанутъ, выйдутъ изъ кафе, сядутъ на извозчика и поѣдутъ въ складъ, принадлежащій Рабкину. Въ складѣ покупатель осмотритъ ящики съ сардинами, одинъ изъ нихъ вскроетъ, попробуетъ, какъ добрый купецъ, на вкусъ и потомъ начнетъ торговаться, чтобы купить товаръ подешевле, стремясь предложить своему розничному покупателю сходный по цѣнѣ, доброкачественный товаръ?

Нѣтъ. Ничего этого ни Рабкинъ, ни покупатель не дѣлаютъ... Это были бы уже трудъ — поѣздка на извозчикѣ, осмотръ склада, — а у Рабкина и покупателя своя профессія: они пьютъ кофе.

Дальнѣйшее (я клятвою завѣряю читателя) уже не фельетонъ, а голый фактъ.

— Можно взглянуть на ваши сардины?

— Пожалуйста.

Рабкинъ лѣзетъ въ карманъ, будто тамъ у него лежитъ весь рыбный товаръ, и вынимаетъ небольшое, еще довольно свѣжее письмо.

Покупатель беретъ письмо, читаетъ:

Христіансенъ, Альstrupъ и К^о.

Швеція — Стокгольмъ.

Милостивый Государь,

Господинъ Рабкинъ.

Въ отвѣтъ на вашъ запросъ, имѣемъ честь сообщить, что мы можемъ продать вамъ сто ящиковъ сардинъ по 120 рублей за ящикъ, франко Петроградъ, таможенная очистка за вашъ счетъ.

Съ почтеніемъ Арвидъ Альstrupъ.

* * *

— Человѣкъ! Чашку кофе.

— Ну? Что вы скажете на эти сардины?

— Ничего себѣ, Рабкинъ. Мнѣ эти сардины нравятся.

Почемъ?

— Сто сорокъ.

— Сто тридцать, такъ вы тоже не умрете.

— А сто тридцать два, такъ какая вамъ отъ этого болячка будетъ?

— Рабкинъ! Это — блефъ. Какіе тамъ сто тридцать два, когда и сто тридцать одинъ, совершенно хорошо.

— Какъ ваша фамилія?

— Если моя фамилія Гуральникъ, такъ что?

— Господинъ Гуральникъ, вынимайте же мнѣ моихъ тысячу сто и давайте мнѣ чернила — я дѣлаю на письмѣ передаточную. Человѣкъ, кофе!

— Извольте вамъ ваши тысячу сто, и будемъ знакомы. Чашечку кофе.

* * *

— А-а, кому я вижу! Господинъ Гуральникъ! Что вы такой гордый, будто кому-нибудь по мордѣ дали?

— Отчего мнѣ не быть гордымъ, если у меня въ карманѣ сто ящиковъ сардинъ!

— Садитесь. Эй, мужчина! По кофе намъ. Сто вы говорите? Почемъ?

— Сто сорокъ пять.

— И на сто сорокъ не лопнете. Покажите вашъ товаръ.

Гуральникъ вынимаетъ письмо (на углахъ оно уже заломилось, и одинъ край чуть замаслился...):

— Это вамъ не сардины?

— Да, это сардины. Но онѣ, я знаю это вѣрно, стоятъ сто сорокъ.

— Ходитъ. Давайте мнѣ мои девятьсотъ и получайте эти сардины съ передаточной. Человѣкъ, чернила!

— И кофе.

* * *

— Широкомордовъ! Интересуетесь шведской сардиной?

— Гдѣ? Сколько? Почемъ?

— Тутъ сто. По сто шестьдесятъ.

— Ого. Суммочка. Ты бы еще и кошелекъ у меня вынулъ. По полтора не подавишься?

— Не подавлюсь.

— Покажь сардины-то. Это? Экъ, они у тебя позамаслились, и подписи не разобрать. Пожалуй, возьму.

— Ага! Человѣкъ, кофе.

— И мнѣ.

* * *

Гдѣ-то въ холодной далекой Швеціи, въ громадномъ полутемномъ складѣ лежатъ сардины, много сардинъ, сто ящиковъ сардинъ.

И если бы сардины не были лишены голозы, онѣ гордо бы подняли эту свою голову... Гдѣ-то далеко, въ сумрачномъ сыромъ Петроградѣ, въ тепломъ крытомъ помѣщеніи, толкуютъ сто человѣкъ, пьютъ за мраморными столиками кофе и говорятъ о нихъ, о сардинахъ, только о сардинахъ, исключительно о сардинахъ...

— Гдѣ эти сардины? Почемъ?

— Вотъ онѣ. Триста двадцать ящикъ, могу отдать всю партію, франко Петроградъ.

— Беру. Человѣкъ, кофе.

— И мнѣ.

Письмо имѣетъ ужасный видъ. Оно въ грязныхъ кофейныхъ пятнахъ, истертое на сгибахъ такъ, что вотъ-вотъ развалится, всѣ его уголки записаны десятками переуступочныхъ надписей, фамиліями, числами и карандашными помѣтками. А оно все растетъ въ цѣнѣ и растетъ, какъ рѣдкость, античная ваза, какъ картина Рембрандта, найденная на старомъ чардакѣ помѣщикаго дома, купленная юркимъ приказчикомъ у стараго дворцаго за пять рублей, перепроданная въ породѣ хозяину писчебумажнаго магазина за сто, отвезенная въ столицу, купленная тамъ антикваромъ за три тысячи, — и вотъ уже ѣдетъ изъ Америки рыжий зубатый миллионеръ мистеръ Дуддль и небрежной рукой бросаетъ онъ антиквару за «эту штуку» сто тысячъ.

* * *

А сардины лежатъ въ огромномъ стокгольмскомъ складѣ Христіансенъ, Альstrupъ и К^о, и никто ихъ не видѣлъ, никто ихъ не пощупалъ: ни Рабкинъ, ни Гуральникъ, ни Метаксисъ, ни Мордворотисъ, ни Чурухьянцъ, ни Широкоспиновъ, — никто изъ тѣхъ, кто, сидя въ тепломъ крытомъ помѣщеніи пилъ кофе и «скрывалъ», кто тысячу, кто восемьсотъ, а кто и сто — не по благородству, а просто больше не давали...

И когда уже все кафе наѣлось, заработало на сардинахъ по горло, когда уже всѣ «интересуются» фуфайками, когда сардинки мертвымъ грузомъ повисли на шеѣ Мордворотиса, — выходитъ Мордворотисъ на свѣжій воздухъ, идетъ къ колониальному купцу Кровососову и говоритъ:

— Имѣю для вашихъ магазиновъ сардины. Сто ящиковъ по пятьсотъ двадцать пять.

— Это почемъ же за коробку выйдетъ? — кричитъ Кровососовъ.

— По три съ полтиной.

— Ого! Неужто жъ мнѣ по пяти брать?

— И очень просто. Война. Все, какъ говорится, вздорожало.

Бьютъ по рукамъ.

Собственно, правильнѣе бы было — бить другъ друга по мордѣ.

* * *

И только съ этого момента около сардинъ начинается настоящая работа: ихъ выписываютъ, выпружаютъ, откупаютъ ящики и трудолюбиво, какъ муравьи, ставятъ на коробкахъ цѣну: «5 р. 50 коп.»

* * *

— Здравствуйте. Мнѣ бы коробочку сардинъ.

— Извольте. Пять пятьдесятъ съ васъ.

— Да, что вы, Господи?! За что же?

— Помилуйте. Война. Транзитъ. Экспорту нѣтъ. Импортъ одинъ. Франко. Гратисъ. Мало ли что. Вотъ оно и тово... Вздорожало.

* * *

Запретить бы распитіе въ публичныхъ мѣстахъ кофе, что ли?

Можетъ быть, тогда все сдѣлалось бы дешевле.

Аркадій Аверченко.

КАКЪ СЛУЖИВЫЙ ИЗЪ ТОПОРА ЩИ ВАРИЛЪ.

(Старая погудка на очень новый ладъ.)

Въ прежней транскрипціи юбъ этомъ случаѣ въ дѣтскихъ хрестоматіяхъ повѣствовалося такъ:

«Однажды служивый брелъ черезъ деревню и притомился. Зашелъ къ старухѣ отдохнуть, переночевать, подкрѣпиться . . .

— Здорово, старуха!

— Здравствуй, служивый!

— А что, можно у тебя тутъ переночевать, да подкрѣпиться, щецъ похлевать.

— Переночевать-то можно, — отвѣчала старуха, — а насчетъ щецъ плохо, служивый: нѣту у насъ щецъ и сварить не изъ чего.

— Ну, какъ не изъ чего, — отвѣчал хитрый служивый. — Топоръ желѣзный у тебя есть?

— Какъ не быть.

— Такъ давай его сюда: я тебѣ изъ него щи сварю.

Заинтересованная старуха сняла съ топорница топоръ, вымыла его и дала солдату: «Посмотрю, какъ это, молъ, изъ топора щи варять».

Солдатъ вскипятилъ воду, опустилъ туда топоръ и спрашиваетъ:

— Капусты горсть найдется?

— Изволь, служивенькій, — засуетилась очень заинтересованная старуха.

— Такъ. А крупа есть? Да хорошо бы, если бы кусочекъ мяса нашлся.

Старуха была скупа, но интересъ къ удивительному вареву былъ такъ великъ, что нашлось и то и другое. Подбросили.

Такимъ образомъ, и получились прекрасныя наваристыя щи изъ топора . . .

Вотъ, дѣти: и топоръ при умѣнии накормить можетъ.

Это было раньше.

Теперь все произошло по-другому.

— А что, старуха, щей не найдется похлевать? — спросилъ прохожій служивенькій.

— Какія тамъ щи, — махнула рукой старуха.

— Топоръ есть? Давай, изъ топора сварю.

Положилъ служивый топоръ въ кипятокъ.

— Капусты не найдется ли?

Рис. Б. Антоновскаго.

ВЕРХЪ САМОМНѢНІЯ.

Фоксъ (обращаясь къ пуделю): — Видите, какой у меня большой хвостъ.

— Какая тамъ капуста.

— Ну, крупы нѣтъ ли? Мясца?

— Откуда? Гдѣ тамъ!

Лежить топоръ въ кипяткѣ, бурлить кипяткомъ, ключемъ бьетъ, а навару нѣтъ.

— Эхъ-ма! — крикнулъ служивый. — Такъ докажу же я, что и топоръ накормить можетъ. Старуха! Вынимай топоръ изъ котелка, иди и продай его сосѣдямъ по существующей рыночной цѣнѣ.

Побѣжала обрадованная старуха, продала топоръ, получила за пять фунтовъ желѣза сто рублей и изготовила ужинъ себѣ и солдату: супъ сень-жермень, филе окунь орли соусъ томатъ, артишоки и турнедо-а-ля-Моэль. На сладкое груша Бургиньонъ и пти-фуръ панаше.

Такъ-то, дѣти. И топоръ нынче накормить до отвала можетъ.

Медуза-Горгона.

ИЗДѢВАТЕЛЬСТВА.

(Цикль изъ пяти.)

Павлинымъ хвостомъ распушу фантазію въ пестромъ циклѣ, душу во власть отдамъ рюмъ неожиданныхъ рою.

Хочется вновь услышать, какъ съ газетныхъ столбцовъ зацкали

тѣ,

кто у дуба, кормящаго ихъ,
корни рылами роютъ.

I.

Не говорите глупостей.

Мало извозчиковъ?!

Тѣштесь ложью!

Видана ль шутка плоче чья?

Улицу врасплохъ огляните,

изъ рожъ ея

чья не извозчиья?

Поэтъ ли поэтъ о себѣ и о розѣ,

дѣвушка ль въ локонъ выплететь ухо;

вижу тебя, сошедшаго съ козель,

король трактировъ,

ерникъ и ухарь.

Если скажутъ мнѣ:

«помните,

Сидоровъ,

померъ».

Не забуду, удивленный, глазомъ смѣрить ихъ...

Ю, кому охота помнить номеръ

нанятаго тащиться отъ рожденія къ смерти.

Все равно мнѣ,

что они лошадей не поятъ,

что утромъ не начищаютъ дугъ они;

съ улицъ,

съ безконечныхъ козелъ

тупое лицо ихъ,

открытое лишь мордобою и ругани.

Ореть орава!

Толстая,

на ватѣ,

красная

— клюквы возъ — щека.

Нѣкоторые безъ лошадей еще,

и развѣ хватить

лошадей на столькихъ извозчиковъ

Дѣти!

только вы еще остались.

Ничего,

подростете.

Скоро

въ жиденькомъ кулачкѣ зажмите кнутовище,

отборной руганью исхлестывая городъ.

Межъ тысячъ извозчиковъ,

шляпу на носъ надвинувъ,

иду

торжественнѣй, чѣмъ строчка Державинскихъ одъ.

День еще, —

и одинъ останусь

я,

медлительный и мечтательный пѣшеходъ.

Вл. Маяковский.

ЕВРЕЙСКИЙ АНЕКДОТЪ

Рис. В. Л.

Родился онъ въ прокуренной биллиардной, воспитывался и росъ въ тѣ моменты, когда игроки, раскраснѣвшіеся отъ пива безъ закуски, мѣлили кѣи и обсуждали неудачные удары.

Нѣсколько лѣтъ его не выпускали изъ биллиардной. Онъ тушился въ спертомъ воздухѣ, пропитываясь человѣческими испареніями, грязью отъ фартуковъ половыхъ и маркеровъ, пріобрѣтая вѣшній лоскъ отъ пьянаго конторщика, приходившаго по субботамъ послѣ службы.

Это было еще маленькое, хрупкое существо на слабыхъ рахитическихъ ножкахъ, когда онъ впервые подошелъ къ обществу и робко постучался въ первую гостиную.

— Кто тамъ? — спросилъ какой-то человѣкъ, отрываясь отъ книги.

— Это я. Еврейскій анекдотъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Ви знаете Гиндельсона? — прозвучалъ неувѣренный голосокъ. — Нѣтъ? А я таки да, знаю. И жену его знаю. А кто же не знаетъ Сару Яковлевну. Очень открытая дама. И самъ Гиндельсонъ большой симпатичникъ. Ну и приходитъ этотъ самый Гиндельсонъ въ клубъ, беретъ карту въ сто рублей за наличныя.

— Уйдите, — спокойно отвѣтилъ голосъ изъ гостиной, — скучно.

Обиженный и неувѣренный поплелся еврейскій анекдотъ къ литератору. Во рту у него было сухо, неокрѣпшее тѣлце дрожало отъ холода.

— Это вы — Симеонъ Евграфовъ?

— Это я — Симеонъ Евграфовъ.

— Ну такъ у васъ будетъ тема. Приходитъ мадамъ Шепшелевичъ къ не менѣе мадамъ Фишманъ и говоритъ: «Вы знаете, что дѣлаетъ мой Сеничка? А что? А вы знаете? А что?..»

Литераторъ Симеонъ Евграфовъ былъ человѣкъ бѣдный темами. Сначала у него потянулись руки къ анекдоту, потомъ онъ тяжело вздохнулъ и взялъ въ руки большую стальную линейку.

— Уйдите, анекдотъ.

— Ну хорошо... Ну, я да, ушелъ.

И еще болѣе слабой поступью побрело бѣдное дитя биллиардной по улицамъ шумнаго города, разыскивая драматурга.

И нашло его бойкое дитя.

— Можетъ быть, господинъ пишетъ пьесу?

— Пишетъ.

— Я же говорилъ! И господину надо немножко успѣха? А кому не надо? Такъ я вамъ это дѣло устрою. Однимъ словомъ, пишите дѣйствующихъ лицъ. Файкинъ. Соломонъ — банкиръ, двадцатипятихъ лѣтъ. Фуня — ихъ мадамъ.

— Мнѣ этого не надо, — вѣжливо отклонилъ драматургъ. — Я не этимъ живу.

— Что, значитъ, не этимъ? А если эта самая паршивая Фуня въ концѣ перваго акта скажетъ: «Ахъ, Фрумелъ, зачѣмъ ты мнѣ велѣлъ выпрыгнуть лошадей изъ кареты?» — такъ это плохо?..

Долго мылъ руки драматургъ и опрыскивалъ комнату сосновой эссенціей. Долго плакало у него на крыльцѣ непризнанное веселое дитя, съ острыми бедрами и впалой грудью, на которой стояло небольшое примѣчаніе, отпечатанное ровными желтыми буквами:

— Made in Odessa.

* * *

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я не знаю, кто первый усыновилъ хилаго ребенка и подкормилъ его.

Можетъ быть, это былъ бродячій шантанный куплетистъ, которому понравилась въ мальчикѣ его неустанная энергія, можетъ быть, это былъ большой меценатъ, собиравшій безпріютныхъ дѣтей для выработки изъ нихъ литературнаго недорогого матеріала.

Я не слѣдилъ за его жизнью. И когда я встрѣтилъ его вчера уже молодымъ человѣкомъ въ смокингѣ, бѣлыхъ туфляхъ, въ широкополомъ котелкѣ набекрень и съ изящно завязаннымъ зеленымъ галстукомъ, я понялъ, что онъ уже облаканъ обстоятельствами и чувствуетъ себя хозяиномъ положенія.

— А! — крикнулъ онъ, увидавъ меня, — Здравствуйте. Пишете?

ЗАСТРАХОВАЛСЯ.

— Вотъ нѣкоторые говорятъ, что нашего брата-мародера — вѣшать надо... Ну, при такой шеѣ не знаю, за что они смогутъ зацѣпить веревку...

— Мерси. Пишу.

— А больной бы вы были, если бы позвонили ко мнѣ за темой?

— Благодарю васъ. У меня своего приготовления.

— Гордильникъ... — усмѣхнулся онъ. — А ко мнѣ отовсюду звонятъ. Клиентура какъ у адвоката-разводняка.

— Можетъ, вы врете, анекдотъ, — нехорошо усмѣхнулся я.

— Я вру... Онъ говоритъ — вру... Идемте.

— Куда? Мнѣ некогда...

— Сомнѣваться, такъ вамъ есть время, а если ему хотятъ доказать, такъ у него дѣла въ головѣ. Идемте.

* * *

Мы пріѣхали къ какому-то профессору. Въ большой гостиной сидѣло много народа и спорило о какомъ-то недоброкачественномъ плагиатѣ молодого доцента у юриста четырнадцатаго вѣка.

— Насъ съ вами отсюда выгонять, — увѣренно сказалъ я своему спутнику, оглядывая его разноцвѣтную фигуру.

— Свой человѣкъ... — подмигнулъ онъ мнѣ. — По средамъ еженедѣльно.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ рѣшительно вмѣшался въ гущу спора и потянулъ кого-то за рукавъ.

— Вотъ вы сказали: «мерзавецъ». Кстати — приходитъ одинъ разъ одинъ бѣдный еврей къ раввину. Ну, знаете, разъ раввинъ — такъ почему къ нему не придти?

Хозяйка косо взглянула на рассказчика, потомъ услала младшую дочь спать и пододвинулась ближе.

— Еврейскій анекдотъ — это некультурно, — нерѣшительно сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ инженеровъ. Потомъ немного подумалъ и добавилъ: — А между прочимъ, есть юдинъ такой: ѣдетъ еврей въ поѣздѣ. Приходитъ кондукторъ: вашъ билетъ...

Когда мы уходили отъ профессора, мой спутникъ посмотрѣлъ на одну изъ ступеней большой мраморной лѣст-

СУРРОГАТЪ.

Она: — Ну, расскажи еще какой-нибудь пикантный анекдотъ...

Онъ: — Что это тебя такъ потянуло на неприличіе?

Она: — Да теперь румяна до того вздорожали, что я только такимъ образомъ могу зарумяниться.

ницы, погладилъ ее рукой въ желтой перчаткѣ и съ нѣжностью въ голосѣ вспомнилъ:

— Четырнадцатая... Именно съ этой самой уважаемой ступеньки девять лѣтъ тому назадъ меня сбросили внизъ къ швейцару. Развѣ я этого хотѣлъ, или швейцаръ этого хотѣлъ? Они хотѣли...

* * *

Мы сидѣли съ анекдотомъ въ театрѣ и смотрѣли пьесу въ четырехъ актахъ, о которой въ теченіе семи мѣсяцевъ писали въ газетахъ всѣ, начиная отъ ея автора и имѣя же кончая. Пьеса представлялась настолько большой по своему литературному значенію, что автора ея мелкіе репортеры даже интервьюировали по продовольственному вопросу.

— Вмѣстѣ писали, — подтолкнулъ меня въ бокъ анекдотъ, прожевывая съ чавканьемъ конфету. — Четыре недѣли работали.

— Врете, анекдотъ. Авторъ маститый, пьеса маститая, декорации тоже. И даже публика маститая.

— А... Потомъ увидите.

Первое дѣйствіе я торжествовалъ. На сценѣ были какіе-то курсистки и кооператоры, говорившіе о благѣ совмѣстныхъ дѣйствій на почвѣ родной культуры. Публика сосредоточенно молчала, изрѣдка всхрипывая на наиболѣе патетическихкихъ мѣстахъ.

— Ну, что? — злобно спросилъ я анекдота.

— Ничего. Это онъ, дуракъ, одинъ писалъ. Я — со второго дѣйствія.

Второй разъ подняли занавѣсъ.

— Сейчасъ придетъ Циперовичъ, — вскользь замѣтилъ герой пьесы, посматривая на часы. — Просидитъ, навѣрное, часа два.

Публика оживилась. Даже въ литерной ложѣ перестали кашлять.

И Циперовичъ пришелъ.

— Ви знаете, — радостно сказалъ онъ, — я сегодня имѣлъ на биржѣ хорошее дѣло.

— Бумаги продали?

— Это послѣ. Сначала я подошелъ къ Хипельману и далъ ему по мордѣ.

Волна сочнаго, довольнаго смѣха прокатилась по театру. Такъ какъ это была премьера и присутствовала избранная публика, больше всего смѣялся партеръ. Онъ же сталъ аплодировать и Циперовичу.

— Это уже я, — довольно усмѣхнулся анекдотъ. — Дальше, до четвертаго акта все я.

На другой день я прочелъ въ газетахъ: «Пьеса была разыграна весело и дружно. Очень хорошгъ г. Сипайловъ въ роли Циперовича, г. Римскій — въ роли Хипельмана, г. Уль-

скій — въ роли Хрумкина и г. Ильскій — въ роли Рикензона. Повидимому, пьеса будетъ гвоздемъ сезона».

— У меня же все гвоздь, — самодовольно добавилъ мой спутникъ, заглядывая мнѣ черезъ плечо въ газету. — Прямо настоящій гвоздильникъ

* * *

На другой день онъ водилъ меня по кинематографамъ съ дивертиссементомъ и ласково кивалъ головой разбитнымъ молодымъ людямъ во фракахъ, выходившимъ на эстраду, съ вихляющимися руками и начинавшихъ выступленіе подъ радостный смѣхъ зала.

— Въ провинціальномъ городѣ аптекаръ Чиначкинъ вздумалъ устроить лотерею. «Хая, — сказалъ онъ женѣ, — я же себѣ думаю, почему мнѣ ея не устроить...»

Слѣдующій разъ мы обошли съ нимъ концерты, гдѣ быстро работали пѣвцы и піанисты, чтобы освободить эстраду для разсказчиковъ. А когда уходилъ со сцены разсказчикъ, оперная пѣвица стояла, блѣдная и взволнованная, около входа на эстраду и отказывалась выступать.

— Я не могу послѣ такого успѣха. Они еще думаютъ объ аптекарѣ Чиначкинѣ.

И публика расходилась, унося кусочки Чиначкина въ колышущихся отъ смѣха животахъ.

— Зайдемъ на двѣ чашки чая къ Симеону Евграфову, — предложилъ мнѣ анекдотъ. — Извозчикъ, за одинъ конецъ съ двоихъ...

— Евграфовъ занятъ. У него романъ.

— Романъ — онъ этимъ ночью занимается, — дѣловито замѣтилъ анекдотъ, — а сейчасъ онъ сценки пишетъ. Мы же ему дадимъ темъ. Вы не вѣрите?

Нѣтъ. Я теперь вѣрилъ этому человѣку. Кому же не надо немножко успѣха?

* * *

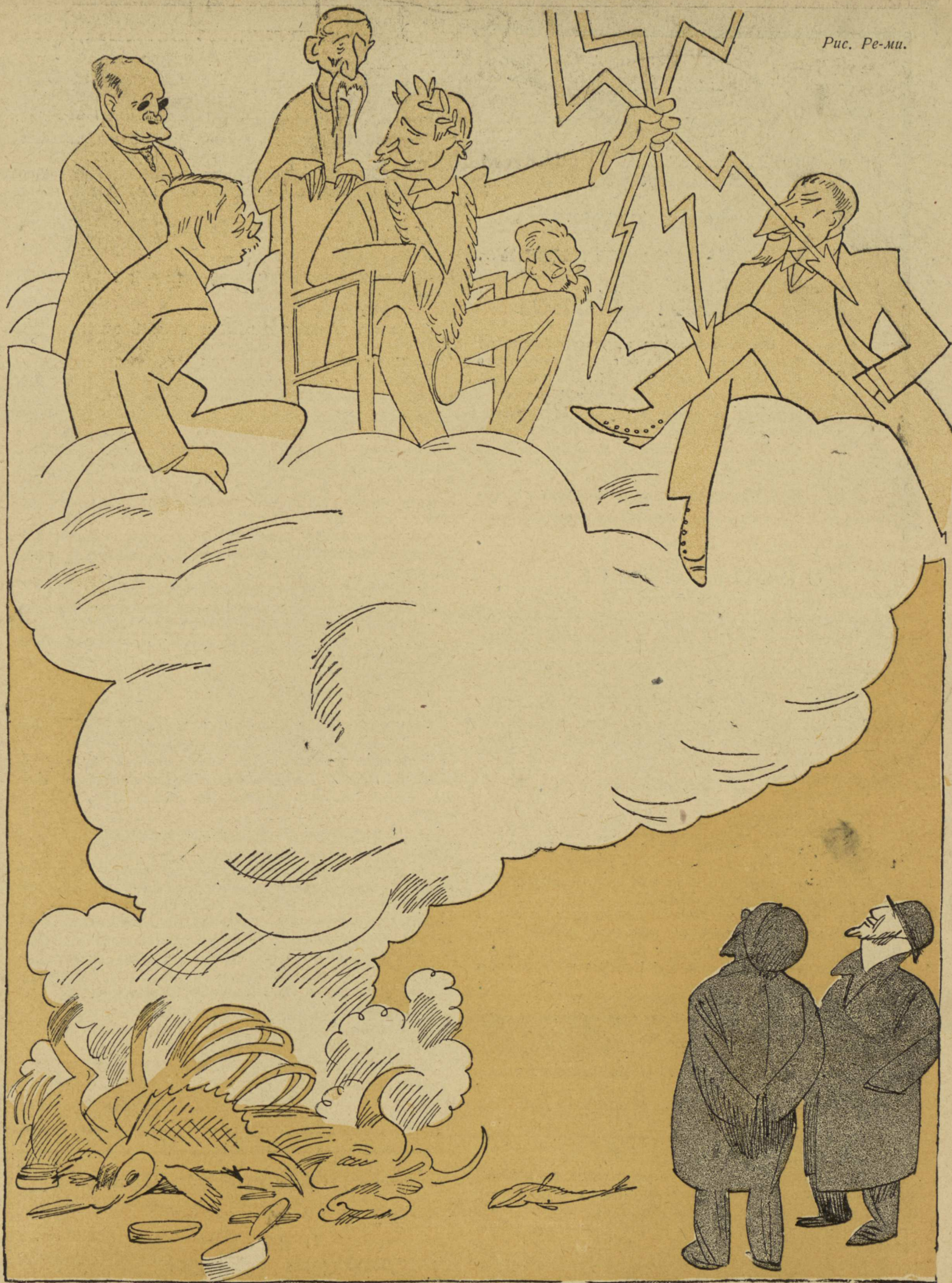
Я презираю этого молодого человѣка въ смокингѣ и бѣлыхъ туфляхъ, ставшаго хозяиномъ положенія. Никогда у меня не тянется рука позвонить ему по телефону и попросить у него помощи... Но порой, когда я представляю себѣ публику, съ безнадежной тоской провожающую каждое печатное слово и бросающую позѣвоту, какъ камень, въ каждое слово, прыгающее со сцены, мнѣ хочется вдругъ подмигнуть портрету Михайловскаго, висящему на стѣнѣ, и широкимъ размашистымъ почеркомъ начать писать.

«Въ Шавляхъ жилъ Хаимъ Пунчикъ...»

Каждому хочется немножко успѣха.

Арк. Буховъ.

ПЕТРОГРАДСКІЙ ГОРОДСКОЙ ОЛИМПЪ.

1-й петроградецъ: — Ты слышишь, какой громъ!!.

2-й петроградецъ: — Да; только это не изъ тучи, а изъ навозной кучи.

— А что это за куча?

— Городская рыба гніетъ.

!НЕОБХОДИМО КАЖДОМУ!
За 10 копеекъ
10 полезных и пріятных предметов...

Ново! Ново!

Всякій, купившій въ петроградской булочной булку, получаетъ внутри ея совершенно безплатно 10 слѣдующихъ полезныхъ и пріятныхъ предметовъ:

- 1) изящную веревку;
- 2) ароматный окурокъ и
- 3) спичку къ нему.
- 4) прелестный камешекъ.
- 5) цѣнную пуговицу отъ бѣлья.
- 6) гвоздь.
- 7) изящную букашку.
- 8) шпильку.
- 9) крючокъ и
- 10) катушку.

Всѣ 10 полезныхъ роскошныхъ предметовъ за 10 копеекъ.

О С К О Р Б Л Е Н І Е .

Скажу по совѣсти, я рѣшительно ничего не знаю о китайцахъ, кромѣ того, что они очень и очень обидчивый народъ.

Однажды я услышалъ:

— Абернись!

Обернувшись, я былъ пріятно изумленъ. На полу расположился желтый, какъ лимонъ, китаецъ. Какъ онъ вошелъ, какъ онъ успѣлъ развязать свой огромный тюкъ, я не знаю, ей Богу, не знаю.

Мы разговорились:

— Что угодно?

— Купи туаръ.

— Мнѣ не надо.

— Купи. Хурой туаръ. Уй, какой хурой.

На это я отвѣтилъ съ рѣдкой любезностью:

— Видишь ли, голубчикъ, я не могу купить даже клочка матеріи. У меня нѣтъ ни копеечки.

Китаецъ, очевидно, мысленно перевелъ мой отвѣтъ съ русскаго на китайскій, немножко подумалъ, потомъ показалъ черные зубы и засмѣялся.

— Уой, смѣется! Ввой, смѣется! Купейка нѣту, а рубли есть. Купи на рубли.

— И рубли нѣту.

— Ну, тири рубли есть. Зелененьки-зелененьки тири рубли. Купи на тири рубли. Показать туаръ?

Лицо китаецъ улыбнулось, излучило столько пріятности, столько желанія угодить мнѣ, что я искренне совралъ:

— Покажи.

Китаецъ что-то досталъ.

— Вуотъ.

— Что это?

— Это? Чисти-чисти шуолкъ.

Вещь мнѣ понравилась, и, будь у меня въ карманѣ деньги, я, не задумываясь, купилъ бы этотъ свертокъ. Но у меня не было ни денегъ, ни прямыхъ путей для отказа. Поэтому я задалъ единственный возможный въ этомъ случаѣ вопросъ:

— Сколько стоитъ?

— Восми рубли. Аршинъ — восемь рубли.

Для ясности китаецъ показалъ на пальцахъ цифру восемь.

— Все берешь? Дуадцать четыре аршина. Суто девяносто рубли. Суто девяносто.

Я увидѣлъ лазейку для спасенія.

— Хочешь просто девяносто?

— Пуросто?

— Да.

— Пуросто девяносто больше или меньше суто девяносто?

— Меньше, — не солгалъ я.

— Муного, маль-маль-о?

— Муного. Почти вдвое.

Китаецъ въ умѣ продѣлалъ математическое вычисленіе, и его желтое лицо налилось кровью. По всѣмъ признакамъ, выводы, къ которымъ онъ пришелъ, были ужасны.

— Пуросто девяносто будетъ суто девяносто безу суто? Я чуть вздрогнулъ, но постарался и виду не подать, что трушу.

— Да.

— Шшиш-и-то?

Я забаррикадировался стуломъ.

— Дуацить четыре аршина пурости рубли?

— Да очень просто!

— Ошень пуросто?

Я нажалъ кнопку звонка и сказалъ вошедшей прислугѣ:

— Стойте здѣсь.

Китаецъ съ остервенѣніемъ засунулъ шелкъ въ тюкъ, взвалилъ тюкъ на спину и, размахивая аршиномъ, подошелъ ко мнѣ.

— Пуровозъ? Ходилъ день, два, три. И ошень пуросто? Что въ шея? Голуова? Думай: чисти шелкъ. Китайскій шелкъ! Въ Китаѣ стоитъ суто и полуовина сута. А пуровозъ? А ходилъ А... а... а... а...

Онъ захлебнулся въ собственной слюнѣ и потерялъ даръ рѣчи.

Воспользовавшись драгоценной секундой, я юркнулъ въ сосѣднюю комнату и предусмотрительно повернулъ ключъ въ замкъ.

Дальнѣйшее донеслось до меня черезъ дверь.

— Что вы такъ обидѣлись? — спросила горничная.

— Шелкъ, чисти шелкъ, вуосемь рубли аршинъ, дуац...

— У васъ есть шелкъ? Ахъ, какъ это интересно. Покажите, пожалуйста.

— Купишь?

— Абвизательно.

— Вуотъ.

— Какой хорошенькій шелкъ! Сколько же онъ стоитъ?

— Семьдесятъ четыре рубли аршинъ!

Горничная вскрикнула отъ неожиданности. Любопытство побѣдило страхъ, и я высунулъ голову изъ-за двери. Китаецъ, ехидно улыбаясь, держалъ въ рукахъ тотъ же самый шелкъ.

— Батюшки мои, — прошептала горничная, — какъ же дорого.

— Дуорого? — злорадствовалъ китаецъ. — А ты торгуйся! — Ахъ, дуорого, возьмите, пожалуйста, двѣнадцать рублей. — Ахъ, не могу! — Ахъ, тиринадцать! — Ахъ, только полусто! — Ахъ, питинадцать! — (Китаецъ началъ дрожать отъ негодованія и прилива желанія поиздѣваться). — Ну, шистинадцать! — Ну, только для вуасъ одной симинадцать! — (По его лицу пошли пятна). — Ну, торгуйся, ну, ну, торгуйся! Плати за восьмирублю симинадцать!

Черезъ секунду онъ былъ уже у двери.

— Ничего тебѣ не продамъ! Я теперь знаю, какъ торговать! О, о, знаю!

Ушелъ...

Мнѣ жаль его.

Евграфъ Дольскій.

== ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА: ==

Готовятся къ печати слѣдующія книги:

1) Арк. Аверченко:

„Подхвѣдцевъ и еще двое.“ (Повѣсть.)

2) Арк. Буховъ:

Чортово колесо.

3) Арк. Аверченко:

Подъ холщевыми кебесами. (Сборникъ пьесъ.)

4) Караси и щуки. (Сборникъ рассказовъ.)

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“ ПРЕДЛАГАЕТЪ ПЕТРОГРАДСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМѢ РЯДЪ ПРОЕКТОВЪ ДЛЯ УРЕГУЛИРОВАНІЯ:

Рис. Б. Антоновскаго.

1) Переполненія трамваевъ:

На пути трамвая устанавливаются особые столбы съ острыми краями, которые при прохожденіи трамвая срѣзываютъ всѣ лишніе наросты...

2) Квартирнаго вопроса:

Изъ городской лавки покупается рыба: рыба приносится домой и съѣдается. Потомъ, послѣ похоронъ, освобождается квартира...

3) Дровяного кризиса:

Такъ какъ въ Петроградѣ каждый день случается нѣсколько пожаровъ, то дума выдаетъ жителямъ особія „пожарныя карточки“, съ помощью которыхъ ставшіе въ очередь жители могутъ постепенно согрѣваться.

Рис. Миссѣ.

ХЛѢБЪ НАШЪ НАСУЩНЫЙ.

1.

Отецъ часто возилъ меня въ поле. Указывая на волнующіеся отъ вѣтра колосья, онъ говорилъ:

— Смотри, сынокъ, это хлѣбъ. Хлѣбъ нашъ насущный. Велика Россія и вся она отъ края до края заросла хлѣбомъ, что лѣсомъ, разлилась хлѣбомъ, что моремъ. Много въ Россіи лѣсовъ, морей, горъ съ чудесными камнями, но богаче всего мы хлѣбушкой. Вотъ онъ, родимый нашъ, золотой, кланяется намъ низко и тихо шелеститъ, словно молится. Помолимся и мы. — Отецъ снималъ шляпу и, осѣняя себя крестомъ, медленно и внятно произносилъ: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!...»

Я тоже снималъ картузикъ, крестился и повторялъ за отцомъ слова молитвы. Мы медленно ѣхали среди желтыхъ, тяжелыхъ колосѣвъ. Солнце, какъ жидкое золото, забрызгало небо. Летали жаворонки. Я жмурился и спрашивалъ:

— Вся Россія заросла хлѣбомъ?

— Вся, вся, сынокъ...

Потомъ отецъ возилъ меня на молотѣбу.

Среди поля стояла паровая молотилка, а возлѣ нея большая гора изъ золотыхъ сноповъ. Веселый дядько швырялъ снопы другому веселому дядькѣ на крышу молотилки. Поймавъ снопъ, дядько засовывалъ его въ барабанъ машины. Снопъ тамъ трещалъ и выскакивалъ въ двѣ дырки: изъ одной сыпались крупныя, звонкія, какъ червонцы, зерна, изъ другой — золотая, ѣбжная солома. Подъ зерна быстро и ловко подставляли мѣшки, а солому съ хохотомъ подхватывали дивчата и бросали ее въ большой ящикъ на колесахъ, запряженный волами. — Смотри, сынокъ, смотри!... — говоритъ мнѣ отецъ. — Это хлѣбъ молотятъ. Хорошій уродился хлѣбъ. Не работа, а радость молотить такой хлѣбъ. Смотри, какіе всѣ веселые, смѣются всѣ. Вонъ кочегаръ, черный весь, а тоже смѣется. Рады люди хлѣбушкѣ. Хлѣбъ нашъ, насущный даждь намъ днесь!...

Я смотрю на кочегара, котораго дразнятъ дивчата, и спрашиваю:

— По всей Россіи молотятъ хлѣбъ?

— По всей, сынокъ.

— Видишь на рѣкѣ домикъ съ колесами? Это мельница, — поворачивъ мнѣ отецъ.

— А почему она шумитъ?

— Отъ радости. Она день и ночь перемалываетъ зерно въ мягкую, бѣлую муку. Весело на мельницѣ. Людно, какъ на ярмаркѣ. Все тамъ бѣлое, мягкое... Мельникъ старый, ласковый. Хочешь быть мельникомъ?

— Да.

— Это водяная мельница, а есть вѣтряная, паровая... Всѣ мелютъ.

— По всей Россіи?

— По всей.

— Батя, бабушка Ивановна пришла! — кричу я.

— Добро пожаловать, бабуса! — встрѣчаетъ отецъ Ивановну. — Хлѣбъ принесла? Спасибо, голубочка!

Ивановна, бодрая, румяная старуха, улыбаясь, развязываетъ узлы. Въ нихъ большіе, бѣлые хлѣбы. Отецъ снимаетъ шляпу, крестится и цѣлуетъ хлѣбы.

— Боже мой, какая роскошь! — говоритъ онъ, съ восхищеніемъ глядя на хлѣбы, и смѣется. — Помнишь, сынокъ, какъ росъ хлѣбъ, какъ молотили его? И мельницу помнишь?

— Помню.

— Вотъ онъ, нашъ кормилецъ. Пришелъ, въ ротъ просится. Эхъ, вѣтъ лучшей ѣды, какъ хлѣбъ! Слышишь, сынокъ? — Отецъ беретъ ножъ и, сдѣлавъ на хлѣбѣ крестъ, отхватываетъ два большихъ ломтя. — Айда, въ садъ!...

Отецъ и я идемъ съ ломтями въ садъ. Здѣсь мы выбираемъ деревья, гдѣ вишни поспѣлѣй, влѣзаемъ на нихъ и быстро, жадно ѣдимъ вишни съ хлѣбомъ.

— Сытъ... — говоритъ, спускаясь съ вишни, отецъ. —

Никакого юбда мнѣ не надо лишь бы былъ хлѣбъ. А теперь помолимся.

Мы снимаемъ шляпы и, крестясь на востокъ, говоримъ:

— Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!..

Потомъ засыпаемъ подъ деревомъ. Насъ долго, тщетно зовутъ къ обѣду.

Осенними вечерами я прислушивался къ скрипу колесъ на улицѣ и спрашивалъ отца:

— Что это везутъ?

— Хлѣбъ, сынокъ.

— А куда?

— Туда, гдѣ не хватаетъ своего хлѣба. На сѣверъ, за границу...

Я снова прислушивался, и мнѣ становилось грустно. Мнѣ было жаль хлѣба. Зачѣмъ его увозятъ на сѣверъ? Пусть бы бабушка Ивановна пекла изъ него вкусныя, бѣлыя булки. Иногда по ночамъ я даже плакалъ, повторяя сквозь слезы:

— Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!..

Все это вспомнилось мнѣ изъ далекаго, милаго дѣтства.

2.

Я выросъ и попалъ на тотъ самый сѣверъ, куда осенними вечерами везли на скрипящихъ возахъ хлѣбъ.

Помню волнение, съ какимъ я впервые попросилъ хлѣба здѣсь, на сѣверѣ. Это было въ ресторанѣ.

— Подайте мнѣ хлѣбъ, — сказалъ я дрожащимъ голосомъ лакею.

— Хлѣбъ на столѣ-съ.

— Гдѣ?..

— А вотъ-съ.

Я зашатался. На тарелочкѣ лежалъ коричневый квадратикъ кожи и два какихъ-то сѣрыхъ жгутика.

— Э-э-это хлѣбъ?..

— Да-съ.

Я быстро ушелъ.

Но пришлось привыкать къ здѣшнему «хлѣбу». И я, обѣдая въ лучшихъ ресторанахъ, терпѣливо извлекалъ изъ ломтиковъ хлѣба соломинки, кусочки дерева, веревочки, мухъ, таракановъ... Ълъ я этотъ хлѣбъ съ отвращеніемъ. Я изучилъ всѣ булочные въ городѣ; ни въ одной не было настоящаго хлѣба, хлѣба, который всю жизнь пекла добрая бабушка Ивановна. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за знакомыми, какъ они ѣли хлѣбъ. Ъли апатично, механически, очень мало. Я, привыкшій считать хлѣбъ главной частью ѣды, страдалъ отъ голода. Потомъ привыкъ ѣсть все почти безъ хлѣба.

Теперь я уже старый, матерой сѣверянинъ, и меня не удивилъ никакой хлѣбомъ. Но иногда... иногда приснится далекий, милый югъ, золотые ласково шумящіе колосья подъ забрызганнымъ солнцемъ небомъ или старая мельница на степной рѣчущкѣ. Проснешься, и смертельная тоска охватитъ душу. Сѣрое небо, слякоть, къ чаю поданы булки, за продажу которыхъ надо предавать военно-полевому суду. И вспыхиваетъ вдругъ дикое бѣшенство и хочется кому-то крикнуть:

— Эй, вы, гады!.. Да знаете ли вы, какое чудовищное преступленіе творите вы изо дня въ день? Хлѣбъ, эту святыню, великій символъ христіанскій, вы растлѣваете на каждомъ шагѣ. Да, да!.. Въ каждой булкѣ, въ каждой баранкѣ скрыты ваша гнусность, ваши плевы на все и всѣхъ... Вы даже не камень протягиваете вмѣсто хлѣба... Получивъ камень, умрешь съ голоду. А отъ вашего хлѣба остаешься жить для того, чтобы и на слѣдующій день быть свителемъ вашей гнусности. Боже мой, во что вы превратили золотые колосья, веселыя, звенящія, какъ червонцы, зерна. Вѣдь надъ этими колосьями свѣтило солнце, пѣли жаворонки. А вы взяли эту красоту, эту радость жизни, сгноили ее, сдѣлали изъ нея подлую карикатуру на хлѣбъ и нагло обогашаетесь. О, проклятые гады!.. Вашимъ хлѣбомъ, этими отвратительными, жесткими желваками хорошо бы зарядить пушку; потомъ выстроить васъ въ рядъ и угостить вашимъ же хлѣбцемъ. Слышите вы? Не къ вамъ, смокингисты и лакированные ботинки, обращаюсь я. Знаю, вы безнадежны, отпѣты еще при жизни. Нѣтъ, васъ, милые, простые бородачи, вѣрующіе еще въ Бога, прошу я. Вы вѣдь зажи-

гаете въ своихъ домахъ передъ иконами лампадки, ставите цѣпкими, скрюченными пальцами свѣчи въ церквяхъ. Значитъ, вы чего-то боитесь, о чемъ-то просите. Не забывайте же, что есть адъ, а въ немъ изобрѣтательный на муки дьяволъ. Горе вамъ будетъ, если не покаетесь. Помните, что однѣми лампадка и свѣчами нельзя отдѣлаться. Нужно быть честнымъ. И мы требуемъ: хлѣба, дайте намъ хлѣба! Не жалкую пародію на хлѣбъ изъ затхлой, гнилой муки, а настоящій хлѣбъ, тотъ, о которомъ всѣ мы молимся: «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!»

В. Черный.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Переоцѣнка.

Все, рѣшительно все нуждается въ переоцѣнкѣ.

Начать съ пословицъ.

Раньше говорили:

„Овчинка не стоитъ выдѣлки“.

Что такое? Почему не стоитъ? — Укажите намъ самую плохую, самую дырявую овчину, которая не стоила бы теперь выдѣлки?

Только въ одномъ случаѣ она не можетъ быть выдѣлана — за отсутствіемъ дубильныхъ веществъ.

Такимъ образомъ, пословицу сію надлежитъ измѣнить:

„Овчинка не стоитъ выдѣлки, но ее можно продать за сто рублей на кожу для сапоговъ“.

Затѣмъ: часто всѣ мы наталкиваемся на совершенно безтолковую фразу:

„Игра не стоитъ свѣчъ“.

Какая игра? Почему не стоитъ? А свѣчи сколько стоятъ? А это вы знаете:

Недавно на Невскомъ проспектѣ одинъ татаринъ продавалъ фунтъ шестериковыхъ свѣчей. Просилъ онъ за нихъ 8 рублей. Ему давали 7. Какой-то господинъ купилъ за семь съ полтиной.

Вотъ тебѣ и „игра не стоитъ свѣчъ“.

Надлежитъ пословицу сію передѣлать:

„Игра настолько крупна, что даже стоитъ свѣч(ей)“...

Нагрѣваніе озябшихъ.

Петроградская городская дума рѣшила отъ общаго переходить къ частному.

Такъ какъ согрѣтъ всѣхъ петроградцевъ городскими дровами нельзя, то дума рѣшила согрѣтъ пока одного г. Байрашева.

Вотъ что заявилъ гласный Елизаровъ:

Заявленіе Байрашевымъ о поставкѣ дровъ изъ „своего“ имѣнія „Тигода“ подано въ управу 9 сентября. Лѣсная площадь обозначена 8,305 десятинъ, которыя могутъ дать до 30,000 куб. саж. дровъ.

Обслѣдованіе имѣнія было произведено членомъ управы г. Янушевскимъ. Онъ призналъ предложеніе Байрашева выгоднымъ. Всѣ же другія предложенія гг. Микульскаго, Май-Бороды и графа Лубенскаго, какъ менѣе выгодныя, неприемлемы.

— 14 октября, — говоритъ гласный Н. Н. Елизаровъ, — г. Байрашевъ и члены управы В. С. Янушевскій и К. Г. Голубковъ уже заключили договоръ на поставку дровъ для города въ количествѣ 30,000 куб. саж.

Въ договорѣ было сказано:

„Буде торговый домъ Байрашева найдетъ необходимымъ получить ссуду на принятую поставку, то городская управа выдаетъ ему такую въ суммѣ не свыше 300,000 руб. изъ 6 проц. годовыхъ, уплачивая пополюгдно, по прошествіи каждого срока“.

Ссуда почти немедленно потребовалась.

Въ концѣ ноября Байрашевъ получаетъ 200,000 руб., а въ началѣ декабря остальные 100,000 руб.

При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи дѣла, — говоритъ въ своемъ заявленіи гласный Н. Н. Елизаровъ, — меня поразила тотъ фактъ, что имѣніе „Тигода“, которое г. Байрашевъ выдавалъ за свое, — вовсе не его, а принадлежитъ г. Правосинскому. Интересно то, что членъ управы В. С. Янушевскій даже не полюбопытствовалъ прочитать документы, которые подтверждали, что г. Байрашевъ дѣйствительно владѣлецъ имѣнія „Тигода“.

Байрашевъ, обращаясь за выдачею ссуды, указалъ, что за него согласятся дать гарантію чуть не всѣ банки.

— Этотъ контрагентъ, — продолжаетъ г. Елизаровъ, — былъ видимо большой юмористъ. Онъ выписалъ почти всѣ банки, которые помѣщаются по обѣимъ сторонамъ Невскаго проспекта, и даже прихватилъ для большей солидности и банки на Большой Морской. Когда же дѣло коснулось до выдачи городу гарантіи за г. Байрашева, то всѣ старые банки уклонились, и городской управѣ пришлось довольствоваться, — замѣчаетъ гласный, — болѣе молодымъ Соединеннымъ банкомъ.

Прошло болѣе года, какъ Байрашевъ вступилъ въ соглашеніе съ городомъ и скоро минетъ годовщина полученія имъ ссуды въ триста тысячъ рублей, а городъ, — говоритъ гласный, — не получилъ

Рис. Н. Р.

ПРОЕКТЪ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

Въ виду дороговизны одежды и обуви два человѣка могутъ одѣваться въ полторы одежды. Способъ передвиженія показанъ на рисункѣ.

отъ этого поставщика ни одного полѣна дровъ ни по воднымъ путямъ, ни по желѣзной дорогѣ.

На всѣ напоминанія, въ томъ числѣ и нотаріальныя, Байрашевъ дипломатично молчитъ.

Резюмируемъ: дровяное имѣніе Байрашеву не принадлежало, ссуда подъ дрова выдана, проценты по ней не уплачены и ни одного полѣна не поступило.

Городская дума, очевидно, разсудила вполне логично: надо заключить съ первымъ подвернувшимся человѣкомъ такой контрактъ, чтобы небу стало жарко. А разъ небу жарко, то почему же не можетъ быть жарко людямъ?

Просто, какъ палецъ.

Которымъ попадаютъ въ шею.

Собачья жизнь.

Несмотря на всѣ недоразумѣнія съ продовольствіемъ мы, по сравненію съ нѣмцами, ѣдимъ какъ принцы...

Вотъ сообщеніе изъ Копенгагена:

Продовольственный диктаторъ Батоцкій постановилъ повысить таксу на собачье мясо.

Если принять во вниманіе, что такса — тоже собака, то мы предвидимъ неизбежную путаницу въ мясныхъ лавкахъ:

— У васъ есть такса?

— На что?

— На супъ.

— Мы супъ не продаемъ.

— Я знаю; мнѣ супъ отъ васъ и не нуженъ; мнѣ такса нужна.

— На что вамъ такса?

— На супъ.

— Но вѣдь у насъ супа нѣтъ.

— Я знаю; при чемъ тутъ супъ? Супъ я самъ сдѣлаю. Вотъ для этого-то мнѣ и нужна такса.

— На что?!!!

Подобный разговоръ, обыкновенно, кончается дракой и это называется:

— Продовольственные безпорядки на почвѣ отсутствія таксы.

Колокольчики, бубенчики звенять...

Наконецъ-то питаніе налаживается:

„Бирж. Вѣд.“ сообщаютъ:

Несмотря на отрицательное отношеніе большинства министровъ къ вопросу о выдачѣ субсидіи „Колоколу“, нѣкоторые министры выдали Скворцову субсидію изъ особыхъ средствъ своихъ министерствъ.

Навѣрное, очень хороший человѣкъ этотъ самый Скворцовъ.

Прошибло.

„Биржев. Вѣд.“ сообщаютъ:

Въ разговорахъ съ городскимъ головой нѣкоторые гласные обратили вниманіе на фактъ, роняющій престижъ петроградскаго городского общественнаго управленія.

Фактъ этотъ — письма петроградскаго градоначальника къ городскому головѣ по всякому, иногда даже самому малозначущему поводу.

При этомъ нѣкоторые гласные проводили параллель между взаимоотношеніями города съ представителями административной власти теперь и прежде, во времена гр. И. И. Толстого, Н. А. Рѣзцова и друг.

П. И. Леляновъ вполне согласился съ мнѣніемъ лицъ, обратившихъ его вниманіе на тонъ обращенія къ нему представителя административной власти.

Вчера, послѣ засѣданія общаго присутствія городской управы, П. И. Леляновъ предложилъ управской коллегіи обсудить вопросъ о томъ, какъ реагировать на тонъ обращеній петроградскаго градоначальника.

Мы дадимъ совѣтъ, какъ реагировать на письма г. градоначальника: уничтожать всю мерзость запустѣнія, царящую въ городскихъ дѣлахъ.

Тогда и писемъ такихъ не будетъ.

Выходъ изъ положенія.

Быка лучше всего хватать за рога.

Нѣкоторые общественные дѣятели предлагаютъ такое радикальное средство лѣченія продовольственного недуга:

Передать разрѣшеніе продовольственного вопроса въ руки самихъ купцовъ.

Это почти гениально по своей простотѣ:

Купцы достаточно нажились, разбогатѣли, набили карманы.

Они знаютъ всѣ секреты торговаго надувательства, всѣ способы обегориванія публики.

Пусть же купцы теперь по-благородному послужатъ обществу.

Приобрѣли они капиталы, пусть же приобрѣтутъ теперь и славу общественныхъ дѣателей.

Изъ враговъ общества купцовъ надо сдѣлать друзьями общества.

Чудная, чудная идея.

Именно, быка нужно хватать за рога.

Это ничего, что быкъ сейчасъ же всадитъ вамъ эти рога въ брюхо и выпуститъ кишки — хватайте, господа, быковъ за рога.

Гдѣ бывають артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-55 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 ч.з.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Почтовый ящик „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Анчуткъ. — Въ разсказѣ „Вечеромъ“ Анчутка такъ описалъ героиню:

„...Ея выпуклыя, изящно изогнутыя бедра напоминали лиру.“
Къ сожалѣнію, лирическія произведенія въ „Сатириконѣ“ не могутъ имѣть мѣста.

Д. О. К. — Плохая наслѣдственность иногда принимаетъ очень своеобразныя формы:

„Прости, небесное созданье,
Что я нарушилъ твой покой
И не явился на свиданье
По такой причинѣ, что ой-ой-ой!“

Подумаешь, тоже причина: сидѣть за столомъ и сочинять плохіе стихи.

Сіялову. — Сіяловъ написалъ громовое письмо по поводу телефонныхъ порядковъ и при этомъ въ двухъ мѣстахъ патетически восклицаетъ:

— Мы, телефонные абоненты...

При такой неосвѣдомленности въ иностранныхъ словахъ, г. Сіяловъ на сельско-хозяйственной выставкѣ легко можетъ очутиться въ экспонатахъ, вмѣсто экспонента.

А, впрочемъ... въ Одессѣ, вѣдь, говорятъ вмѣсто „абонентъ“ еще хуже:

— Абонаторъ. Мы, абонаторы...

Джеку Смокеру. — Темпераментный Джекъ обращается къ редакціи съ категорическимъ требованіемъ:

„О, дайте мнѣ женщину рыжую,
О, рыжую дайте вполнѣ (?)
Веселую, пьяно-безстыжую
О, рыжую дайте вы мнѣ“.

Въ виду отсутствія въ настоящее время въ нашей редакціи женщины требуемаго вами образа, благоволите обратиться съ вашими почтенными заказами въ другую редакцію.

Б. Провинція.

Орель. — Сквозняку. — Эготъ самый Сквознякъ остритъ такъ, что ноги подкашиваются:

— Послушайте, зачѣмъ вы кусаете (?) мнѣ глаза?

— Но вѣдь вы сами говорили мнѣ: возьми глаза въ зубы...

Вы намъ отвратительны, Сквознякъ.

Ст. Пудожъ. — Иксу Иксовичу. — „...За свои стихи я могу сказать много хорошаго“.

А мы, наоборотъ: объ ваши стихи речуться не можемъ.

Ник. Игнатьеву (безъ города). — Г. Игнатьевъ пейзажистъ неопытный:

„Снѣговой покровъ на деревѣ виситъ
Ручеекъ замерзъ и больше не бѣжитъ.
Вѣтерокъ ужъ не поетъ веселыхъ (?) мессъ...
И вдали синѣетъ смутно сѣрый лѣсъ.“

Если лѣсъ сѣрый — почему онъ синѣетъ? А если онъ синій — зачѣмъ ему сѣрѣть? Что его толкаетъ на этотъ неосмысленный поступокъ?

А вѣтерокъ вашъ совсѣмъ сумасшедшій: неужели, онъ пѣлъ когда-нибудь веселыя мессы?

Бодѣ безграмотнаго вѣтерка редакція не можетъ себя представить.

Игнатьевъ! Не приставайте.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

НАПЕЧАТ. ВЪ ПЕТРОГР. ВѢСТ. 1915 Г. № 226.

ОСНОВАНА ВЪ 1903 г.
УДОСЛОБЕНА ВЪСѢХЪ НАГРАДАХЪ
НА ВЫСТАВКАХЪ
ВЪ ПАРИЖѢ, ЛОНДОНѢ, БРЮССЕЛѢ.
ФЛОРЕНЦІИ и проч.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londres, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ
СЪМѢННЫХЪ
ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ

Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгій, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операцій, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ сѣменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченка для наблюденій высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 р. 25 к., пересылка свыше одного флакона — бесплатно. 20%-ый почтовый сборъ, за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр. — Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготавляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическаго реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химическими изготавленными сперминами.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ новыя книги:

Аркадій Буховъ.

ЧОРТОВО КОЛЕСО.

Цѣна 1 р. 50 к.

ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ.

(2-е дополненное изданіе.)

Цѣна 1 р. 50 к.

АНГЛІЙСКАЯ СОЛОДОВАЯ ПИЦА

содержитъ ДІАСТАЗЪ, благодаря чему является незамѣнимымъ средствомъ при различныхъ желудочныхъ заболѣваніяхъ, а также рекомендуется для грудныхъ дѣтей старшаго возраста.

Получаются блестящіе результаты.

БРОШЮРА № 27 ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕСПЛАТНО.

Англ. Акц. О-во „АЛЛЕНЪ и ГАНБУРИСЪ“ (Россія)

МОСКВА, Мясницкая, 32. Почт. ящ. 226.

Карманная бібліотека „Новаго Сатирикона“:

- Выпускъ 1-й. Ал. Гринъ. Происшествіе въ улицѣ Пса. Цѣна 50 коп.
„ 2-й Графъ Алексѣй Толстой. Оріонъ. Цѣна 50 коп.
„ 3-й. Александръ Рославлевъ. Князь изъ Альгамбры. Цѣна 50 коп.
„ 4-й. Александръ Рославлевъ. Записки полицейскаго пристава. Цѣна 50 к.

ПАПИРОСЫ

Перемѣна адреса.

Контора журнала „Новаго Сатирикона“ вѣщаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

На первомъ рисункѣ показано обычное кафе, гдѣ все покупають и продають.

На второмъ рисункѣ — то же кафе, но приспособленное къ нуждамъ его обитателей.
Никого никуда и перевозить не надо — всѣ остаются на своихъ мѣстахъ: мѣняется только вывѣска и внѣшность оконъ.